

ГРУЗИНОЯЗЫЧНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Распад СССР и образование национальных государств на его территории сделали вопрос этнической идентичности¹ весьма актуальным как на уровне политики, так и на бытовом уровне. Прежде единое государство распалось, были проведены границы новых национальных государств, и большие группы граждан оказались в новых государствах в статусе национальных меньшинств. Роджерс Брубейкер называет образовавшиеся таким образом диаспоры «диаспорами катаклизма»: «Диаспоры катаклизма принадлежат совершенно другому миру, отнюдь не «постнациональному»; его правильнее было бы охарактеризовать как постмногонациональный. Он возник вследствие дезинтеграции крупных политических образований – распада Российской, Габсбургской и Османской империй после Второй мировой войны и Советского Союза, Югославии и Чехословакии по окончании холодной войны. Эта грандиозная реорганизация политического пространства по национальному признаку олицетворяла не отречение от принципа нации-государства, а его триумф. Идея о том, что границы наций и государств должны совпадать, не только не преодолевалась – напротив, она утверждалась»².

Наше исследование было посвящено одной из таких «диаспор катаклизма» — грузинской общине в Азербайджане. По данным последней переписи 1999 года, грузин в Азербайджане 14 900 человек. Существует немногочисленная община грузин города Баку: по данным представителей грузинской общины, зарегистрированной в Баку, там проживает около 700 грузин. Но основная часть грузин компактно проживают в сельской местности на севере Азербайджана — в районах Гах и Закаталы, при этом в Гахе проживают преимущественно грузины-христиане, а в Закаталах — мусульмане, говорящие на грузинском языке, но необязательно считающие себя грузинами. Оба района, примыкающие друг к другу, практически равноудалены от

¹ «Этническую идентичность от других форм социальной идентичности отличает прежде всего вера или представление об общеразделяемой культуре, хотя в ряде случаев это может быть идея или миф об общности происхождения и общей истории». Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследование по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 117. Подробнее о процессе конструирования этнической идентичности см. там же, с. 112-124.

² Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. 2005. № 3. С. 44-45.

Грузии, и в обоих районах грузины представляют меньшинство населения. В этих районах, помимо грузин, живут азербайджанцы, аварцы, лезгины и представители других этнических групп.

При проведении исследования, которое включало сбор материала в Баку и на севере Азербайджана, выяснилось, что весьма трудно дать какое-либо описание грузин, проживающих в Азербайджане, в качестве единой общины. По моим наблюдениям, община грузин в стране слабо институционализована. Большая разница в понимании своей идентичности и самопрезентациях видна у грузин-бакинцев и грузин, проживающих в селах на севере Азербайджана.

Грузины-бакинцы в массе своей русскоязычны. Важнейшей составляющей их идентичности является презентация себя в качестве бакинцев. Это представители урбанистической интернациональной среды. Многие представители этой группы подолгу не бывают в Грузии. Однако именно в этой среде предпринимались попытки институционализации этнической общины.

Грузины, компактно проживающие на севере Азербайджана, используют грузинский язык в качестве основного языка общения, но разделены по конфессиональному признаку. В настоящее время в академическом дискурсе появилась тенденция обозначать грузиноговорящих (как мусульман, так и христиан) жителей севера Азербайджана как ингилойцев (по названию местности проживания). Ряд исследователей, например, весьма авторитетный в республике академик Гамаршах Джавадов, ориентируясь на понятие «этногенез», определяют ингилойцев как северокавказский по происхождению народ, отличный от грузин. На мой взгляд, подобные тенденции во многом связаны со становлением национального государства, когда этническое разнообразие, особенно в пограничных районах, нередко рассматривается как несущее потенциальную опасность для целостности страны. Идентифицируя ингилойцев в качестве потомков албанцев, древнего собирательного названия жителей современного Азербайджана, специалисты тем самым стремятся отделить их от грузин и установить их более древние и прочные связи с современными азербайджанцами.

В последние годы в Азербайджане появились и трудовые мигранты из Грузии. Мы не будем здесь рассматривать эту категорию, которая не входит в «диаспору катаклизма», однако важно указать, что само их присутствие (достаточно видимое благодаря тому, что они работают, в основном, в сфере обслуживания) нередко способствуют ощущению многочисленности грузинского меньшинства в Азербайджане.

В данной статье мы сосредоточимся на анализе ситуации в местах компактного проживания грузиноязычного населения на севере стра-

ны — в Гахе и Закаталах³. Исследование включало участвующее наблюдение в Гахе и Закаталах, которое проводилось на протяжении 12 дней в деревнях Гах-Ингилой и Алиабад, в частности особое внимание уделялось значимым для местного населения общественным местам (грузинская церковь, мечеть, чайхана, кафе и пр.) Параллельно проводились тематические интервью с грузиноязычными жителями региона. Было проведено девять интервью с грузинами-христианами в деревне Гах-Ингилой, и семь интервью с грузиноязычными мусульманами в деревне Алиабад. Учитывая довольно жесткие, во многом патриархальные традиции, распространенные в этих местах, исследователю-мужчине было сложно получить согласие на интервью с женщинами, поэтому в выборке оказались в основном мужчины (12 из 16 человек). Основным критерием выбора информантов было проживание в населенных пунктах, которые местные жители обозначают как грузинские и/или ингилойские. Вторым критерием была самоидентификация информантов как грузиноговорящих. Часть интервью, в основном с грузинами-христианами, проводилась на русском языке, другая — в основном с мусульманами — на азербайджанском.

1. Гах-Ингилой: грузины – христиане

Исследование проводилось в деревне Гах-Ингилой, фактически сросшейся с районным центром Гах, находящимся на севере Азербайджана вблизи границы с Грузией. От Гах-Ингилоя примерно три часа езды на автобусе до Тбилиси и семь часов — до Баку.

Основным занятием населения является земледелие, но выделенной государством при приватизации земли недостаточно для того, чтобы сельскохозяйственная деятельность позволила повысить уровень жизни. После визита в 2006 г. президента Азербайджана Ильхама Алиева в Гах заметно оживился интерес и к туристическому потенциалу региона:

Он [Алиев] когда приехал, то поразился. Он ведь никогда здесь не был. А тут смотрит, какая здесь красота, и понял, что это место — рай для туристов. И сразу распорядился, чтобы начали строить железную дорогу, и дальше уже пойдет-поедет. Раз сам президент интересуется, то и все сюда потянутся. Уже свободных мест нигде, наверное, не осталось (м., 50 лет).

³ Брубейкер Р. «Дiasпоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Diasпоры. 2005. № 3. С. 44-45.

Можно было бы предположить, что вдруг возникший интерес со стороны высшей республиканской власти к региону с целью превращения его в развитый туристический центр должен вызывать только положительные эмоции. Но происходит, скорее, обратное. Основной центр туризма еще с советских времен располагался в горной местности, где земли как сельскохозяйственные объекты никогда не выделялись. Поэтому престижных с точки зрения развития туризма земель у местного населения нет, а повысившийся со стороны «бакинцев» интерес к землям в регионе вызывает опасения. В частности, исследуемые нами грузины-христиане опасаются, что возросший к региону интерес приведет к их быстрому вытеснению из него. Кроме того, на бытовом уровне люди не склонны доверять властям и уверены, что на них будут оказывать давление с целью выкупа их земель по заниженным ценам. Цены на землю, хоть и повышаются, но все равно остаются слишком низкими для того, чтобы приобрести в случае переезда жилье в другом месте:

Продам я свою землю и дом, и что я на эти деньги потом куплю? Правда говорят, цены сейчас, в последние пару лет, повысились, но земли немного, и много денег за нее не получишь. А деньги именно за землю и дают, а дом никому не нужен. Вот здесь сейчас какие хоромы начали строить приезжие. Им наши дома ни к чему (м., 35 лет).

Среди грузин-христиан немало людей с высшим и средне-специальным образованием, которые предпочли бы малоприбыльному земледелию работу в администрации или в любом другом государственном учреждении. Собственно, этим и ограничен выбор занятости – чиновник или земледелец, хотя, конечно, следует помнить, что местная интеллигенция концентрируется еще в школах и больницах. Грузины-христиане убеждены в том, что государство проводит целенаправленную политику по недопуску представителей национальных меньшинств во власть (речь идет, в основном, о региональной власти в местах их компактного проживания):

А куда здесь пойдешь работать? Работы никакой вообще нет. Что с земли соберешь, то и заработаешь. А если дождь не пойдет или вообще неурожай? Тогда сиди и умирай с голоду. И на должности никого из местных грузин не берут. Все здесь и глава администрации, и глава полиции – все азербайджанцы. Только их назначают. Вообще в полиции ни одного грузина найти невозможно. Если должность доходная, то только своих и назначают (м., 53 года).

Недоступность ключевых постов рассматривается грузинами как проблема исключительно этническая, хотя и в регионах, населенных только азербайджанцами, часто можно слышать подобные жалобы, однако объясняется это там не этнической дискриминацией, а засильем клановщины. В данном случае, как мне кажется, не имеет смысла рассуждать о том, насколько справедливы подобные суждения, а принимать как факт то, что национальные меньшинства недовольны создавшимся в сфере занятости положением. И здесь актуализируется этническая идентичность: «мы» — те, кого не допускают к управлению регионом, в котором «мы» живем.

Однако это недовольство не распространяется на межэтнические отношения на повседневном уровне:

Мы с азербайджанцами всегда, как братья, жили. У меня и соседи, и друзья всегда были азербайджанцы. И на азербайджанском мы с удовольствием всегда говорим. Всегда мы жили в мире и дружбе, и друг друга никогда не делили, кто есть кто по нации (м., ок. 40 лет).

Опасения по поводу возможного вытеснения из региона рассматриваются на фоне массовой эмиграции грузин—христиан, вызванной тяжелым экономическим положением в регионе. Эта эмиграция рассматривается на бытовом уровне как катастрофическая. Так, учитель местной школы указывал на то, что вскоре будет просто не из кого формировать классы в школе. Количество учащихся в грузинских школах с каждым новым годом стремительно сокращается, но, вероятно, это указывает не только на растущую эмиграцию грузин, но и на снижение рождаемости в их среде.

Ощущение исхода грузин—христиан из региона на бытовом уровне распространено повсеместно. Цифры их прежней численности могут называться самые разные (в рассказах информантов фигурируют цифры от 30 до 100 тысяч), но всегда подчеркивается, что теперь их почти не осталось:

Вот раньше в этих местах было очень много грузин. Почти все грузины здесь были. Где-то около 60 тысяч грузинского населения. Но сейчас уже почти никого не осталось. Все уезжают. Сейчас если тысяч 12 наберется, и то хорошо. Если дело и дальше так пойдет, скоро и совсем никого не останется (м., 60 лет).

Центром притяжения для грузин, безусловно, является Тбилиси, а не Баку. Хотя автобусы регулярно ходят как в столицу Azerbaijan, так и в столицу Грузии, но Тбилиси очевидно лидирует как место получения образования и поиска работы. Можно предположить, что подобная тенденция сложилась еще в советские годы: большинство информантов старше сорока лет, с которыми мне довелось поговорить в Гах-Ингилой, получали средне-специальное и высшее образование именно в столице Грузии:

В основном, уезжают в Грузию или в Россию. У меня сестра живет сейчас в Тбилиси, врачом работает. Поехала учиться в Тбилиси, закончила там мединститут и осталась там жить. Сейчас живет, работает там. Хотя там тоже, конечно, не легко, но все же с работой лучше, чем здесь (м., 43 года).

Причины предпочтения Тбилиси вполне понятны: помимо того, что столица Грузии расположена ближе к Гаху, обучение в грузинских школах не позволяет выучить азербайджанский язык настолько, чтобы поступать в азербайджанские вузы. Некоторые грузины-христиане говорят на бытовом азербайджанском, но чаще используют русский как язык межнационального общения. Основным языком коммуникации остается родной грузинский язык. Мне удалось встретить только одну женщину преклонного возраста, которая свободно и без характерного акцента говорила на азербайджанском, но это объясняется тем, что она была всю жизнь замужем за азербайджанцем, и азербайджанский был языком семейного общения. Можно предположить, что доступное образование на русском языке в Баку могло бы быть привлекательным для грузин-христиан, но этого не происходит. Здесь вступает в силу распространенная установка относительно того, что грузину легче найти работу в Грузии со знанием грузинского языка, чем в Баку, со знанием грузинского и русского языков. Таким образом, установка на эмиграцию в Грузию поддерживает актуальность этнической идентичности.

Именно на этом фоне притягательности для грузин-христиан Тбилиси особенно остро стоит вопрос с ценами на землю в регионе. Существующие цены, даже при условии заметного повышения в связи с возникшим к региону интересом, все равно останутся слишком низкими для того, чтобы купить жилье в Тбилиси.

Плохое знание азербайджанского и самоощущение себя грузинами, как и близость собственно Грузии, где грузин может, по крайней мере в идеале, добиться определенных карьерных успехов, – все

эти факторы предполагают некоторую этнизацию мироощущения грузин–христиан. Однако подобное мироощущение не означает безусловную установку на интеграцию в жизнь соседней Грузии. Грузия – это страна, в которой также немало проблем и не так просто устроить свою жизнь. На этом фоне Россия часто выглядит как страна более привлекательная для проживания, поэтому политические разногласия между Россией и Грузией воспринимаются азербайджанскими грузинами гораздо более болезненно, чем, по моим наблюдениям, в самой Грузии:

Мы очень пристально наблюдаем за отношениями с Россией и не можем понять, почему Саакашвили (президент Грузии — Э.А.) так себя ведет (дистанцируется от России — Э.А.). Мы всегда жили дружно, всегда русские были для нас братьями, много раз помогали, и сейчас многие из Грузии едут туда на работу, живут там, деньги зарабатывают. Не можем понять, зачем нужно так себя вести. И российский президент, с другой стороны, тоже что-то там не то делает (оказывая давление на Грузию — Э.А.). Но все же маленькая Грузия в первую очередь должна понимать, что с соседями нужно жить в мире. Тем более с таким соседом, как Россия (м., 34 года)⁴.

Эта установка в среде грузин-ингилойцев на добрососедские отношения с Россией и частая, хоть чаще и мягкая, критика грузинских властей за то, что такие отношения никак не устанавливаются, на мой взгляд, скорее, нетипична и для дискурса в самом Азербайджане. В республике больше распространено мнение, что действия российских властей все еще демонстрируют синдром имперского отношения к окраинам, входившим когда-то в Российскую империю, а потом в СССР.

Грузины-христиане предпочитают обозначать себя как «грузины». Они с большим нежеланием употребляют название «ингилойцы» по отношению к себе, само понятие в беседах с ними всплывает только при упоминании его со стороны исследователя. При попытке узнать, что же такое ингилойцы, типичной является негативная реакция на это обозначение и стремление свести его к локальному обозначению, которое никак не отделяет местных грузин–христиан от грузинского населения, проживающего в соседней республике. Приведу два типичных ответа на вопрос, что понимается под обозначением «ин-

⁴ В этой статье используется только часть собранного в рамках большого проекта материала, в частности, не включаются материалы, собранные в Баку.

гилойцы». Несмотря на то, что происхождение понятия трактуется информантами по-разному (производное от названия местности или как обозначение населения, сменявшего конфессии), обе цитаты показывают стремление их авторов обозначить свою принадлежность к грузинам:

Это просто понятие такое, как местность. Вот эта местность иногда называется Саингило, отсюда и ингилойцы. В Грузии много таких есть названий. Например, Сванетия, Аджария или Имеретия. Но это просто название местностей, которые есть в Грузии. Но все они — и аджарцы, и сваны — в любом случае грузины, такие же, как и мы (м., 42 года).

Это грузинская земля, называется Эрети. Недалеко отсюда даже сохранилась стена, которую при царице Тамаре, кажется, построили для обороны от всяких пришельцев, и здесь всегда жили грузины. Вот все, что до этой стены — это была древняя Грузия. Но во все времена приходили разные захватчики и устанавливали здесь свои порядки. Однажды мы приняли ислам, но потом снова восстановили свою религию. Но вот из-за того, что мы несколько раз меняли религию, мы так и называемся — ингилойцы. Но это название ничего особенно не означает. Мы обычные грузины (м., 36 лет)⁵.

Таким образом, грузины-христиане четко идентифицируют себя как грузины, а уже затем, при настойчивости со стороны интервьюера, как ингилойцы — жители местности Саингило (территории Гаха и Закатал).

Христианство — важнейшая основа идентичности грузин, проживающих в Гах-Ингилой, которая особенно значима в мусульманском окружении. Единственным реально действующим местом объединения грузин в Гах-Ингилой является церковь. В селении (которое практически соединяется с районным центром) расположен также центр грузинской культуры, но он уже несколько лет не работает, несмотря на обещания республиканских властей выделить деньги на ремонт и попытки отремонтировать здание силами общины. Именно на этом фоне запустения культурного центра особенно впечатляюще выглядит церковь. Хотя само здание христианского храма и не очень старинное, первая половина XIX века, однако расположенные в церковном дворе

⁵ Следует заметить, что эта версия происхождения понятия «ингилойцы», связываемая с неоднократной сменой конфессиональной принадлежности, предлагается и известным в Азербайджане политологом и историком А. Юнусовым.

надгробья и раскидистые старые деревья как-то невольно навевают ощущение древности. Весьма характерно выглядит и священник, который был назначен в Гах самым главой Грузинской Православной Церкви и прибыл служить в Азербайджан из Абхазии.

В будний день на службы собирается 40–50 человек прихожан. В основном это женщины, хотя немало и мужчин. В праздничные дни людей, естественно, больше. Хотя саму службу посещает только несколько десятков человек, церковный двор является местом досуга многих местных жителей, в том числе молодежи, которые приходят просто посидеть на скамейках и провести время в беседе. Из местных прихожан–активистов состоит и церковный хор, больше известный как ансамбль «Лазаре».

Другой основой идентичности в данном случае является грузинский язык. По моим наблюдениям, грузинский язык является основным в приватной сфере и воспроизводит на этом уровне грузинскую идентичность. Какое-либо существенное отличие местного наречия от грузинского языка, на котором говорят в Грузии, местными жителями отрицается:

Да, мы говорим на грузинском языке, таком же, как и в Грузии говорят. Когда мы едем в Тбилиси, мы же свободно говорим, и в институты наши ребята поступают. Нет, есть, конечно, некоторые особенности, но они незначительные (ж., 48 лет).

Мы смотрим дома грузинское телевидение, ведь грузинский – это наш родной язык. Конечно, мы все его понимаем. И дома все общаются на грузинском, и между собой мы все говорим на грузинском языке. Школы у нас тоже грузинские, мы все учимся на родном языке. Конечно, мы все знаем грузинский (м., 32 года).

Таким образом, основой идентичности грузин–христиан, проживающих в Гах-Ингилое, является, прежде всего, конфессия и считающийся родным грузинский язык. Конфессия и, в меньшей степени, язык выделяют грузин–христиан из населения всего региона, которое в массе своей исповедует ислам и говорит на азербайджанском языке (речь идет и о представителях других этнических меньшинств, в среде которых широко распространен азербайджанский язык).

2. Алибад: грузиноязычные мусульмане

Ситуация с идентичностью грузиноязычных мусульман в Алибаде представляется мне более интересной, чем в случае с грузинами–христианами, так как идентичность в их среде конструируется более сложным образом из-за того, что они исповедуют ислам, так же как и основная часть населения титульной национальности. Часть грузиноговорящих мусульман (как мне кажется, таковых большинство, хотя, возможно, и не подавляющее) четко идентифицируют себя как азербайджанцы. Локальная ингилойская или тем более грузинская идентичность не актуализируется и растворяется в общеазербайджанской, т.е. здесь речь идет об ассимиляции.

С другой стороны, заметное число местных мусульман не считает себя азербайджанцами, а указывает на свое грузинское происхождение. В данном случае, напротив, видимые локальные особенности («странное» присутствие грузинского в быту, или специфика локальных обозначений) приобретают большое значение и становятся маркерами проведения границы между грузинами-мусульманами и азербайджанцами.

Ниже я буду рассматривать обе группы. Несмотря на ассимиляцию значительной части жителей Алибада и демонстрацию ими азербайджанской идентичности, они не принимают обозначение «ингилойцы». Распространение в быту грузинского языка рассматривается в данном случае как когда-то навязанный со стороны грузин-завоевателей билингвизм. Однако жители окрестных деревень, в том числе и грузины–христиане, называют грузиноязычных мусульман «бывшими» грузинами и/или ингилойцами:

Да, здесь раньше было очень много грузин. Но потом многие уехали, а некоторые приняли ислам и забыли, что они грузины. Ингилойцами стали называться. Это вот в Алибаде, Мосуле, есть здесь такие деревни, они там живут. Это уже не грузины. Какие они грузины, если они все забыли. У них даже фамилий грузинских не осталось. Сами себя грузинами не называют. Причем, это только здесь они так, а когда едут, допустим, в Тбилиси, себя грузинами называют. Да, там у него спроси, ты кто, скажет - я грузин, специально на грузинском будет говорить, а здесь так они себя грузинами не считают (м., 53 года, грузин-христианин).

Жители деревни (как «азербайджанцы», так и «грузины») издавна проживают в этих местах, и все в той или иной степени состоят в тес-

ных родственных отношениях. Однако определенная часть жителей все же самоидентифицируется в качестве грузин и подчеркивают то, что они не были ассимилированы. При этом в повседневном общении никаких границ между группами не выстраивается. Все они жители одной деревни, связанные давними узами соседства и родства, актуализируют свою этничность только в спорах между собой.

2.1. Ингилойцы-«азербайджанцы»

Деревня Алибабад, с жителями которой мне довелось пообщаться, находится по дороге от Гаха к Закаталам. Ее население по приблизительным оценкам составляет порядка 10–12 тыс. человек. Главные впечатления от этого поселения состоят в том, что жители его кажутся более энергичными, да и сама жизнь поселения выглядит несколько более интенсивной, чем в Гахе, хотя последний представляет собой районный центр. В значительной степени это, видимо, вызвано наличием большого рынка и прохождением здесь трассы, соединяющей два районных центра (Гах и Закаталы). Следует сразу же отметить, что говорить о каком-то особом внимании со стороны властей к местности, в которой располагается Алибабад, на предмет ее туристического потенциала не приходится. Места хоть и живописные, но, видимо, основные туристические потоки до них не доходят. Хотя местные жители с гордостью рассказывают о том, как к ним любят приезжать на отдых люди из города, но роскошные дачи, как в Гахе, в окрестностях Алибабада пока не появляются. Однако перспективы развития туризма вызывают здесь гораздо больше энтузиазма, чем в Гахе, и с ними связывается надежда на улучшение экономической ситуации в регионе. При этом сама социально-экономическая ситуация в большинстве случаев не описывается местными жителями в таких трагических тонах, как это было в случае с грузинами-христианами в Гахе.

Нужно отметить также, что жители Алибабада не ощущают никаких препятствий в продвижении по управленческой лестнице и не видят границ между собой и чиновниками:

Нет, у нас все нормально. Все, кто в управлении работают, – это все местные. Все наши соседи. Мы всех их знаем, они все из нашего села (м., 36 лет).

Доступу к государственной службе способствует и знание азербайджанского языка. Местные жители совершенно свободно владеют азербайджанским языком, в отличие от грузин-христиан. Вместе

с тем, грузинский язык нередко используется в быту, смотрят они и грузинское телевидение. В среде тех молодых мусульман, которые самоидентифицируются как азербайджанцы, грузинский язык постепенно уступает свои позиции азербайджанскому. Однако в настоящее время в деревне еще широко распространен билингвизм, и можно нередко наблюдать, как жители в беседе попеременно используют то один, то другой язык.

Большинство моих респондентов в Алиабаде идентифицировали себя как азербайджанцы, несмотря на широкое использование грузинского в быту, а также на присутствие среди предков христиан:

Нет, конечно, мы не грузины (это очень часто встречавшийся ответ на мой вопрос «Вы считаете себя грузином или нет?»). Мы азербайджанцы. Просто здесь долгое время территории находились под властью грузин, и мы поэтому знаем грузинский. Ну, вот как были мы под властью России, и все говорили на русском, точно так же и с нами происходило, когда были под властью грузин. А так мы обычные азербайджанцы (м., ок. 50 лет).

Мы азербайджанцы, такие же, как и все. Здесь родились и жили всегда. Просто в этом районе происходили разные войны и завоевания, поэтому, как иногда говорят, предки принимали, допустим, христианство, но потом снова становились мусульманами (м., ок. 40 лет).

Информанты из Алиабада, так же как и жители Гах-Ингилоя, не придают особого значения обозначению «ингилойцы», также относя его к локальным географическим обозначениям населения:

Да, иногда говорят «ингилойцы», но это ничего особенно не обозначает. Я не знаю, честно говоря, что это точно значит. Но вообще, это как обозначение местности. Вот в Азербайджане же есть такое: например, говорят там – нахичеванцы или гянджинцы. Ну, как показывает, из какой они местности. Но мы же все азербайджанцы при всем этом. Точно так же и нас называют ингилойцами, но это ничего не значит (ж., 45 лет).

Характерно, что для респондентов, считающих себя азербайджанцами, «ингилойцы» встраиваются в другой — азербайджанский —

ряд локальных обозначений (нахичеванцы, гянджинцы), в отличие от называющих себя грузинами жителей Гах-Ингилоя, использовавших сравнения с названиями грузинских народностей (сваны, аджарцы и пр.). Таким образом, мы видим, что локальное обозначение, которое должно было бы объединять жителей региона, не находит у них поддержки (что сильно отличает их от бакинцев, у которых сильна локальная идентичность), а на первое место выходят все-таки этнические определения.

Именно в этом пространстве пассивного неприятия локальной идентичности возрастает роль местной интеллигенции. В разговоре местные жители (те, которые считают себя азербайджанцами) часто ссылаются на учителей истории, которые предстают авторитетами, «доказывающими» обоснованность права местных жителей считаться полноценными азербайджанцами, несмотря на приписывание им локальных обозначений:

Мы все здесь азербайджанцы. Ингилойцы там, все эти названия – это все ничего не значит. Я не знаю, что это обозначает, но вот у нас историки есть хорошие, и они доказали, что мы настоящие азербайджанцы. Они все это знают, а я не особо в этом разбираюсь (м., ок. 35 лет).

Да, мы азербайджанцы, а все это ингилой там, еще что-то — это вам нужно с нашими историками поговорить, что все это обозначает. Они все это хорошо знают (м., 60 лет).

Ислам суннитского толка, безусловно, выступает в данном случае важнейшим компонентом самоидентификации и дает право считать себя частью воображаемого сообщества азербайджанцев. Мусульманская идентичность жителей закрепляется в таком месте памяти, как старое кладбище. Маловероятно, что само кладбище древнее XIX века, но арабские надписи на могилах, специфические формы могил (такие теперь уже и не делаются), а также отсутствие потомков людей, покоящихся на кладбище, подкрепляют дискурс о древности ислама на этой земле и усиливают сакральный смысл места.

Другим местом воспроизводства мусульманской идентичности является мечеть. Местные жители относят постройку мечети к XIX веку, но в годы советского режима она была закрыта и возвращена верующим недавно. О самом здании мечети рассказывают много историй, весь смысл которых сводится к демонстрации приверженности

местного населения исламу. Многие жители ходят в мечеть на пятничный намаз и по праздникам, но в будние дни мечеть практически не посещается. Посещение мечети — это, скорее, дань традиции и повод для общения, особенно для молодежи.

По моим наблюдениям, мечеть в Алиабаде не играет той центральной роли (в пространственном и символическом аспектах), какую играет церковь в Гахе. Можно предположить, что поскольку посещение церкви — это практика, отличающая христиан от местного, в основном мусульманского, населения, она имеет гораздо большее значение для поддержания христианской идентичности и солидаризации общины, а мечеть подобной функции не несет. Мечеть — это символ принадлежности ко всему азербайджанскому, а не специфической «самости».

Центром притяжения для всего населения является, скорее, местный воскресный рынок. Он довольно большой, и на него приезжают не только из окрестных селений, но и из региональных центров — Гаха и Закатал. Вокруг рынка расположены места отдыха и коллективного общения, любимые местными жителями (чайханы, пивные и пр.). Именно этот рынок резко отличает Алиабад от Гах-Ингилюя, в котором не встретишь подобного оживления.

2.2. «Грузины»-мусульмане

В том же Алиабаде проживает достаточно значительное количество мусульман, которые считают себя грузинами. Для них, на мой взгляд, основой подобной идентификации является грузинский язык. Ислам, который они исповедуют, никак не отделяет их от тех, кто вместе с ними посещает мечеть, но считает себя азербайджанцем. Если в случае грузиноговорящих азербайджанцев он представлялся вторым языком, менее значимым, чем азербайджанский, то здесь язык, напротив, становится значимым маркером, который выделяет местных жителей как некое специфическое, отличное от азербайджанского, сообщество:

Вот приходит моя дочь как-то недавно со школы и спрашивает: «Папа, а почему мы говорим на каком-то другом языке, а не на азербайджанском?» И что я должен ей сказать? Кто мы? Вот я вас спрашиваю: если мы азербайджанцы, то почему тогда мы говорим на грузинском языке? А я скажу почему: потому что мы — грузины (м., 45 лет).

Они осуждают тех, кто перестал называть себя грузином и сменил фамилию. С их точки зрения, знание грузинского языка без грузинской самоидентификации и верности корням, не дает права называться грузином. Безусловно, «грузинскость» актуализируется и в контексте ощущаемой дискриминации:

Конечно, нам не дают быть грузинами. Вот у меня ребенок родился, я иду в управление и хочу ему дать свою фамилию. А наша фамилия – это грузинская, мы же грузины. И мне не дают разрешения. Запрещают нам брать грузинские фамилии, заставляют нас, чтобы мы назывались как азербайджанцы. Записывают нас так, а потом говорят, что у нас грузин нет (м., 49 лет).

Эти грузины категорически не желают называться «ингилойцами», т.к. считают, что такая самоидентификация означает предательство своей этничности, признание первичности локального обозначения и ассимиляции в азербайджанское общество. Стоит заметить, что в представлении грузин-христиан грузины-мусульмане, сменившие фамилии и утратившие самоидентификацию, — тоже «испорченные грузины», которых первые презрительно называют «ингилойцами». Особое недовольство «настоящих грузин» вызывает принятие «выгодной» этничности (совпадающей с титульной нацией) и при этом стремление извлечь выгоды из владения грузинским языком. Приведем цитату из интервью с главой грузинской общины, которого беспокоят не только моральные аспекты выбора идентичности, но и прагматические соображения относительно распределения ресурсов общины:

Да, знаю я, есть много таких [грузин, ставших азербайджанцами]. У нас в общину входят и ингилойцы — грузины, которые на севере живут. Но там тоже по-разному случается. Как мне относиться к человеку, который... говорил, что я себя грузином не считаю, я азербайджанец. А потом он приезжает ко мне и начитает что-то просить у меня как у главы грузинской общины. И что я должен думать об этом человеке, если он свою нацию не признает, а потом у меня что-то просит?

И здесь особый интерес вызывает то, что для всех алибабцев привлекательным местом поиска работы и получения образования явля-

ется Тбилиси. Если подобная установка достаточно естественна для тех, кто самоидентифицируется как грузины, то для алибабцев, считающих себя азербайджанцами, она должна иметь под собой дополнительные прагматические основания. Конкуренцию столице Грузии может составить только Россия. И там тоже грузиноговорящие азербайджанцы ощущают себя вполне удобно, посещая обе диаспоры:

Я уже десять лет как в Воркуте живу. Там только из нашей деревни, наверное, человек триста сейчас живет и работает. Сейчас уже мечеть построили на деньги общины. Правда, отдельной азербайджанской общины нет. Это татарская община построила мечеть, но мы сами собираемся. По праздникам обязательно друг к другу ходим, собираемся, отмечаем. Я и в грузинскую диаспору хожу. Вообще с грузинами хорошо живем, дружим. Разницы особой нет. Тоже с ними все праздники справляем (м., 36 лет).

Мы видим, что если для одних жителей Алибада владение грузинским языком — не более чем пережиток и историческое наследие, из которого, правда, можно извлечь выгоду, для других — это самый значимый внешний маркер их этничности. Для последних, однако, возникает необходимость подкрепления этого маркера другими признаками принадлежности к «грузинам» для того, чтобы отделить себя от грузиноговорящих азербайджанцев, поэтому особое значение они придают самоидентификации («называть себя грузином») и сохранению грузинских фамилий.

Выводы

В то время как одна часть жителей Алибада выбрала дрейфующую этническую идентичность или, по крайней мере, предпочитает определять ее контекстуально, другая часть настаивает на четком этническом определении себя как грузин, несмотря на свое мусульманство, и стигматизирует грузиноговорящих «азербайджанцев» как «ингилойцев». Грузины-христиане, которые к тому же мало используют азербайджанский язык и плохо интегрированы в государственную систему занятости, предпочитают дистанцироваться от грузин-мусульман и стараются им приписать обозначение «ингилойцы». Таким образом, термин «ингилойцы» ни для одной из групп, проживающих в Саингило, не является позитивно окрашенным. Он

воспринимается либо нейтрально (как связанный исключительно с территорией проживания, при этом подчеркивается солидарность с азербайджанским или грузинским этносом), либо отрицательно (как обозначающий «неправильных» грузин, утративших значимые элементы грузинской идентичности).